

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ, ИНТЕЛЛИГЕНТЫ И ИНТЕЛЛИГЕНТНОСТЬ.

О термине «интеллигенция». История слова.

Несколько лет тому назад два достойных человека, академик Александр Панченко и поэт Николай Панченко резко разошлись в понимании интеллигенции... Александр Панченко утверждал, что интеллигенция и раньше немного стоила, а сейчас попросту сошла на нет. Николай Панченко с возмущением отвечал, что интеллигенция была, есть и будет самым лучшим в нашей культуре. Я думаю, они не понимали друг друга из-за неясности термина и, пожалуй, надо добавить, из-за различия мировоззрений... До конца 18 века латинское слово *Intelligence* означало «разумность».

Наиболее интересное неожиданное толкование, которое я встретил в беседе Дэвида Бом с Кришнамурти. Дэвид Бом сводил *Intelligence* к латинскому *Interleger* - «между строк». Это сомнительно, с точки зрения чистой филологии, но интересно, что Кришнамурти это подхватил: ведь для него высший смысл всегда глубже уровня слов и всплывает в интервалах между словами. И это понимание во всяком случае интересно, вне зависимости от того, как обстоит дело лингвистически... В конце 18 века во Франции слово «*Intelligence*» получило новый смысл. Оно стало обозначать слой просвещенных, в отличие от непросвещенных. В этом качестве его усвоили и немцы. На одной из выставок я видел немецкую «*Intellegentzeitung*», 200-летнюю дату... 1800 года. Что это могло тогда значить? Я думаю, «Газета просвещенных». Газета читателей. Энциклопедия Дидро и де Ламбера, сочинения Вольтера и Руссо. Примерно в то же время из средневекового реквизита было взято слово «нация». Оно означала в средние века землячество студентов в Сорбонне, и никогда не прилагалось к нации в современном смысле государства. Идея нации, идея интеллигенции... Для чего же она понадобилась? Понадобилась потому, что суверенитет короля пошатнулся, понадобилось дать представление о народе-суверене, и этот народ-суверен получил название «нация», и с тех пор нация имеет современное значение. Идея нации и идея интеллигенции вступили в неоднозначное отношение. Французская революция считала себя революцией просвещенных, революцией всечеловеческих идей, и свою нацию рассматривало как ведущую нацию человечества. Напротив, немецкая нация складывалась под знаком романтизма, под знаком народной, прежде всего немецкой, самобытности, под знаком сопротивления Франции. Поэтому Гейне пошутил, что французский патриотизм расширяет нацию, а немецкий ее сужает. Немецкий патриотизм действительно имел оттенок ксенофобии, и нечто подобное бывает и с другими почвенными вариантами патриотизма.

О национализме и патриотизме

... патриотизм можно рассматривать как явление, вырастающее из чувства любви к родине, а национализм - это сумма идей, программа, идеология...

Шутка Гейне заставила меня с сомнением отнестись к попыткам строго отделить патриотизм от национализма. Такие попытки сейчас на каждом шагу бывают, но фактически она не выдерживает критики. Конечно, можно сказать, что патриотизм - любовь к родине, а национализм - ненависть к чужому. Но для ненависти к чужому есть точное слово - ксенофобия. И потом как оторвать национализм от национально-освободительного движения. Мне кажется, различие здесь другое. Скорее, патриотизм можно рассматривать как явление, вырастающее из чувства любви к родине, а национализм - это сумма идей, программа, идеология. Идеология от ума, а ум легче

приходит за ум, чем сердце. Но бывает жестокое сердце и с патриотизмом не всегда все хорошо. В годы моей юности принято было считать, что национализм угнетенных наций имеет защитный характер и не так плох, как великодержавный шовинизм. Но исторический опыт заставляет сомневаться в этом. Хотя имперское высокомерие - не сахар, но он редко доходит до такой злобы, как обида униженных и оскорбленных. Психологически это показал еще Достоевский в своих романах, а сейчас мы это видим на примере ряда национальных движений. И, к сожалению, об этом надо помнить сейчас, когда сама Россия чувствует себя униженной и оскорбленной. Из чувства обиды может вырасти все, что угодно. В частности, Гитлер из нее вырос. Приведу пример бунта униженных из истории моего современника Короленко. Товарищ подсунил ему брошюру, в которой восхваляются подвиги Гунты. Примкнув к восстанию Железняк - а это было в середине 18-го века - Гунта свеченным ножом зарезал свою жену-польку и детей, рожденных от брака с полькой-католичкой. Это тот исторический факт, который отразился в Тарасе Бульбе: я тебя породил, я тебя и убью». Ну, у Короленко, сын украинца и польки, с ужасом прочитал эту брошюру и с тех пор захотел отшатнуться от всех кровавых споров. И как он писал: «Моим отечеством стала русская литература». Именно литература. А не Российская империя, которая, кстати, проводила глупую политику запрета украинского языка. То есть, его отечеством стали русские писатели и читатели, в известной степени, русская интеллигенция, находившаяся в оппозиции к официальному истэблишменту.

Чувство имперской вины настолько бросалось в глаза русской интеллигенции, что Федотов в своей «Трагедии интеллигенции» даже употребил слово «мезопатия» - отвращение к отечеству. Насколько я могу судить, отвращение к империи исчезало, когда шла война с другой империей, например, в 14-м году. Тогда русская интеллигенция как правило была очень патриотична. Но когда возникало национально-освободительное движение, то симпатии интеллигенции раскалывались. В 63-м году, как вы знаете, Герцен выступил на стороне поляков. И сейчас мы видим, что диссиденты, которые привыкли сидеть в лагерях и тюрьмах вместе с бунтарями против имперского гнета, чувствуют их своими, как правило, занимают по отношению к различным националистическим движениям другую позицию, чем большинство русского общественного мнения. Это не чисто российский феномен. Какая-то часть парижских интеллектуалов, исходя из принципов французской культуры - «свобода, равенство, братство» и прочее - стояло на стороне алжирских бунтарей, а местные французы вели с ними вооруженную борьбу. Различие между настроением москвичей и ставропольцев, в особенности, если иметь в виду представителей московской интеллигенции, в первую Чеченскую войну строилось по той же схеме.

И снова об истории термина. Разночинцы и дворяне. Западники и почвенники.

«...интеллигенция - это тот слой нашего образованного общества, который с восхищением подхватывает всякую новость и даже слух, клонящийся к умалению правительственной или духовно-церковной власти, ко всему же остальному равнодушный». И это в какой-то степени соответствует тому, что часть интеллигенции о себе самой думала, и это отразилось в понятии «интеллигент» как критически мыслящей личности...

Вернемся теперь к истории термина. После победы романтизма интеллигенция связана с идеологией Просвещения, с устремлением отделить просвещенных, передовых, вышел из моды. В нем был оттенок обособления элиты, а романтизм, наоборот, стремился растворить элиту в народе. Поэтому слово, так сказать, ушло вглубь словаря. Оно есть у Даля, но оно употреблялось только как красивое слово. «Соберите сегодня всю

интеллигенцию». Это не означало общественного слоя. «Соберите сегодня всех блестящих, умных, и интересных людей.» Социологического значения здесь не было. Но нужда в новом термине появилась после реформ Александра II. До этих реформ доступ в университеты был не очень широко открыт, и образованный человек из нижних слоев, если и попадал туда, то автоматически потом попадал в дворянство. Окончивший университет получал личное дворянство, а дослужившийся до известного чина - потомственное дворянство. Когда же в университет была широко открыта дорога разночинцам, то эта масса разночинцев не растворилась в дворянстве, а сама какую-то часть дворянства растворила в себе. И вот возник новый слой, который надо было как-то назвать. И вот Бабарыкин считал - и хвастался этим - что он первый применил к этому слою название «интеллигенция». Тогда же возникло слово «интеллигент», которого на Западе не было. На Западе есть слово «интеллектуал», есть слово «intellegenzia», но «интеллигент» - такого слова нет. Интеллектуал - это означает нечто иное. И как знак качества возникло слово «интеллигентность». Это уже слово, заключающее в себе некую оценку. К интеллигенции никто не относил священников - их образованность имела византийские корни. Между тем, интеллигент был носителем западной образованности. Победоносцев, который переводил «Подражание Христу Фомы Кемпийского» был вообще очень образованным человеком, ни в коем случае себя интеллигентом не считал, а само слово считал ненужным и манерным неологизмом. И он был не доволен тем, что Плеве, министр внутренних дел, это слово употреблял. Плеве вынужден был защищаться и объяснять, что с полицейской точки зрения это необходимо, как некий объект, с которым приходится иметь дело. Потому что интеллигенция - это тот слой нашего образованного общества - я это прочитал в его характеристике в воспоминаниях сына Суворина - это тот слой нашего общества, который с восхищением подхватывает всякую новость и даже слух, клонящийся к умалению правительственной или духовно-православной власти, ко всему же остальному равнодушный. И это в какой-то степени соответствует тому, что часть интеллигенции о себе самой думала, и это отразилось в понятии «интеллигент» как критически мыслящей личности. Интеллигенты веховского направления критиковали суперкритицизм, но популярностью они до революции не пользовались. Это они сейчас очень популярны, а когда «Вехи» вышли, то, по-моему, 98 % людей, участвовавших в обсуждении, высказывались против этого. В 14 году... до 14-го года европейцы полагали, что интеллигенция - чисто русское явление, и «Intelligenza» в словаре Вебстера объяснялось как русские интеллектуалы, обычно в оппозиции к правительству. Но потом процессы вестернизации захватил огромное количество стран, бывших колоний, полукolonий, и всюду возникли, может быть, менее успешные образцы традициями, не обладавшие всеми оттенками, но всюду возникли слои, напоминающие русскую интеллигенцию. Всяду возник раскол на западников и почвенников - в мировой социологической мысли это вестернизаторы и традиционалисты. Так что это совершенно естественная черта в процессе вестернизации: возникает кризис, культура входит в другую культуру. Это как переливание крови не совсем той группы - возникают болезненные явления, не все, что привито, может пустить корни. Одни считают, что все плохо, потому что недостаточно решительно проводится вестернизация, а другие считают плохо, что слишком решительно. Это органическое явление не чисто русское. Чего обычно нет, так это усвоение интеллигенцией некоторых дворянских черт. Этого, конечно, нет в Африке. А в России, где по традиции образованный человек становился дворянином, и некоторые черты дворянского самосознания в интеллигенцию вошло, в частности, отвращение к занятию торговлей. Это, собственно, не органично обязательно для интеллектуала, но чисто русская черта. Но основные черты повторялись.

Специфика интеллигенции.

*...В какой-то степени, интеллигент - это Гамлет. Гамлет - это первый тип протоинтеллигенции. Конечно, но был принц, и вообще не относился не к какому особому социальному слою, но слова Гамлета: «Мир пошатнулся, и скверней всего, что я рожден восстановить его»... **Вот это вот чувство, что мир в кризисе, что все нарушено, и ты призван как-то это дело исправить - это вот то, что составляет отличие интеллигента от интеллектуала...***

Можно отнести к интеллигенции - это уже моя точка зрения - и определенный тип мыслителя, которого Мартин Бубер назвал проблематичным. Чтобы было ясно, о чем здесь идет речь, я сразу назову имена. Бубер делит мыслителей на два типа. Один - это Августин, Паскаль, Кьеркегор. Другой тип - это Аристотель, Аквинат, Гегель. Один тип - носитель кризиса внутри, для которого его собственное бытие вызывает сомнения, становится проблемой. А другой тип - носитель культуры в ее спокойном состоянии, который не сомневается в своей позиции человека, который призван объяснить то, что существует и что само по себе как бы достаточно прочно. В какой-то степени, интеллигент - это Гамлет. Гамлет - это первый тип протоинтеллигенции. Конечно, но был принц, и вообще... не относился не к какому особому социальному слою, но слова Гамлета: «Мир пошатнулся, и скверней всего, что я рожден восстановить его», в других переводах это звучит иначе - даже там «мир вывернулся из своей коленной чашки» и так далее. Вот это вот чувство, что мир в кризисе, что все нарушено, и **ты** призван как-то это дело исправить - это вот то, что составляет отличие интеллигента от интеллектуала. Интеллектуал знает, что его дело - заниматься своей профессией. Если хотите, для писателя это выразил Флобер: «мы, писатели, делаем свое дело - пусть проведение сделает свое». Вот позиция интеллектуала, носителя культуры, уверенного в том, что его деятельность имеет смысл, а история будет как-то сама происходить. *Тогда как для интеллигента характерно чувство тревоги, чувство кризиса, которое в 20-м веке становится все более распространенным, в том числе и на Западе.* И когда русские мыслители были на пароходе вывезены на Запад, то они неожиданно узнали, что они - экзистенциалисты, хотя они об этом не думали и термина этого не знали. Завязались личные отношения между, скажем, Бердяевым и Бубером и другими. Они, конечно, примыкали к тому ряду, который начинается с Августина, продолжается Паскалем, Кьеркегором, то есть к линии мыслителей, которые остро чувствуют свое бытие, охваченное кризисом и требующим какого-то личного решения. В художественной литературе это узнавание произошло еще раньше. В художественной литературе Тютчев перенес тютчевское чувство бездны. «Человек, сей мыслящий тростник...» - это цитата из Паскаля. Тургенев написал статью «Гамлет и Дон Кихот», имея в виду не собственно Гамлета и Дон Кихота, а расхожие русские типы. Вообще можно и в древности находить, до времени Аристотеля, даже до времени Сократа эти два различных типа, в том числе и в неевропейских культурах. Однако, в то самое время, когда философский пароход вывез большую часть русских мыслителей на Запад, тех, которые остались, по большей части были вывезены на восток и там погибали, главным философом у нас стал Владимир Ильич и главным подходом у нас стал классовый подход и все, что можно сказать об интеллигентском самосознании, потеряло значение. Западное просвещение, которое интеллигенция несла народу, стало пониматься как буржуазное, как чуждое, враждебное пролетариату. Права личности разоблачались как обман. Страна поверила, что есть надежный выход из всех и всяческих кризисов - диктатура пролетариата. Это есть у Фейербаха: мир - это то место, которое можно переделать - это был приговор интеллигентности - интеллигенты были не нужны, требовались специалисты. Бухарин писал, что мы будем их штамповать, как детали машины. На авансцену вышли порождения критически мыслящей личности - революционеры. Поверив в пролетариат, они привели к власти Смердяковых и Шариковых, которые очень скоро загнали старые партийные кадры под нары. Но свое дело Ленин и Бухарин сделали. Понятие

«интеллигенция» было выпотрошено, лишено отсылки к интеллигентности, стало обозначением аморфной массы профессоров и счетоводов, стукачей и их жертв. Настоящая интеллигенция оказалась во внутренней эмиграции. Я чувствовал себя дома в романе Достоевского и на чужбине в советской действительности. Многие находили себя в рассказах Чехова, в лирике Серебряного века. Нашей родиной, снова, как для Короленко, стала русская литература. И мы, вернувшиеся из лагерей и уцелевшие на воле, чувствовали свою реальность, противоречащую языку, в котором укрепилось ленинское понимание, что человек, работающий головой, а не руками - это и есть интеллигент. Вопреки марксистской схеме мы чувствовали, что мы были что-то особое, не совпадающее с каждым человеком, занимающимся умственным трудом. И что между нами и инженерами человеческих душ существует антагонизм. Дело Пастернака, а потом [во времена] Хрущева - писателей и художников, выводили из себя, вызвали желание дать сдачи, и с этого началась моя попытка описать наше общество в терминах отрицательных героев Гоголя и Достоевского. Началось желание изобразить Хрущева в виде поручика Пирогова, которого высекли, а он съел слоеный пирожок и утешился. Как раз на Кубе у него произошел инцидент, и этот эпизод подтолкнул связать его с Пироговым. Потом я согласился, что можно и с Ноздревым его сравнить. Один образ потянул другой и получилась целая картина общества, изображенная через характеры Гоголя и Достоевского. Потом - это было году в 62 - в 63-м, лет через 5 - один из читателей показал, что Бердяев меня опередил - что было его эссе «О духе русской революции», где буквально этот подход есть. Еще лет пять прошло, когда я достал это эссе и прочитал. Оказалось, действительно сходство методов полное, а различия объяснимы изменившимся временем. У Бердяева большую роль играл Хлестаков, но и время было такое - говорили об отмене денег, о мировой революции, при социализме обещали сделать из золота общественные уборные - это Ленин обещал, а Троцкий обещал, что при социализме всякий средний человек достигнет уровня, по крайней мере, уровня Гете и Аристотеля - словом, это была сплошная хлестаковщина. А с 62-го - 63-го года нам ничего этого уже не обещали. И - зато появился новый тип - я его назвал Бернар - ухватившись за слово, пущенное Митей Карамазовым, но мне пришлось дать самому характеристику этого типа, потому что русская литература его еще не описала. Это был тип, созданный советским техническим образованием. В последствие мне говорили, что можно было поговорить и о Скалозубах, но тут я должен выступить на защиту Бердяева и себя, что, во-первых, в 18-м году Скалозубы еще были у белых, а не у красных, а в 62-м они не возникали. Был отдел контрразведки, и они еще не были такими важными, как сейчас. Метод Бердяева обладал преимуществом живости, красочности, но уже в 62-м году пришлось кое-что придумывать. В любой другой стране надо было бы опираться на тамошнюю литературу, скажем, на французскую или английскую или - это вообще нельзя было построить, потому что во многих странах, где уже была интеллигенция, наскоро возникшая, не было классической литературы, описавшей заранее все типы, возникающие в ходе перестройки. Так что пришлось вернуться к каким-то отвлеченным понятиям, и здесь я опять заново изобрел то, что уже было изобретено, а именно некоторые термины Карла Мангейма, о котором я опять позже узнал. Впрочем, сходство с Бердяевым было глубоким и существенным, а с Мангеймом - более поверхностным. Мы констатируем сходные факты, но на разных уровнях. Чтобы стало ясно, в чем суть дела - для Мангейма Сократ - один из софистов. Мангейм не верит, что можно найти опору в глубине более прочную, чем традиция социальной связи. А я верю. И более того - я знаю это по опыту. Поэтому не полно сходство понятия «свободно парящая интеллигенция» Вебера и Мангейма с моим образом «человека воздуха». Мой образ «человека воздуха» все-таки связан с понятием некой духовной интуиции, близкой к религиозной, которая может быть основой целостного мирозерцания без устойчивой социальной позиции. А у Мангейма этого нет. Мангейм критикует марксистскую схему борьбы классов, между которыми болтается прослойка - как вы знаете, интеллигенция считалась прослойкой. Он подчеркивает, что

классовые различия не всегда решают - верно, иногда они уступают первое место национальным, религиозным... - это тоже верно, но интеллигенция для Мангейма всегда остается «перекати-полем». Она вынуждена носиться туда и сюда и к чему-то примыкать. На бытовом западном уровне интеллектуалы примыкали к среднему классу. Как формально примыкали к дворянству русские образованные люди до известного времени. Но русская интеллигенция была свободнее отбита, чем западная, легче пренебрегала бытом. В ней отчетливо намечалось движение вглубь, опиравшееся на сократовского демона. Как вы помните, Сократ говорил, что он прислушивался к своему демону. Демон не в смысле чего-то злого, а к чему-то в глубине самого себя. Мне кажется, что к этому тяготеет и бердяевская философия свободного духа, и шестовская деконструкция всех философских систем задолго до нынешнего деконструктивизма. И когда Антоний Сурожский призывает укорениться в опыте прямых встреч с Богом и мыслить свободно, он продолжает ту же русскую линию.

О разных типах русской интеллигенции

...В эссе, которое я написал в 60-е гг. я ввел различия интеллигентной интеллигенции и неинтеллигентной интеллигенции. Можно воспользоваться идеей Солженицына и говорить о подлинной интеллигенции и образованщине или о русской и советской интеллигенции...

Мангейм определяет интеллигенцию как среду, в которой возникают, сталкиваются и разбиваются друг об друга самые различные мнения. Если это исчерпывает суть дела, то «Вехи» можно понять как призыв к интеллигенции перестать быть интеллигенцией, вернуться к твердой традиционной вере - как сейчас говорят - воцерковиться. На уровне слов такое понимание оправдано и можно подтвердить его десятками цитат. Такое понимание сейчас модно. Но тогда веховцы вели себя не по-веховски. За исключением Семена Людвиговича Франка, который умел найти себе нишу в рамках догмы, они все еретики, все ищут опоры в духе христианства, не связывая себя решениями Соборов. Даже Антоний Сурожский, оставаясь митрополитом, на старости лет решился сказать, что трагедия христианства в том, что решения Соборов слишком много твердо определили, что лучше бы оставить это для свободного личного поиска. И веховская критика интеллигенции остается в рамках истории интеллигенции, в рамках внутреннего развития интеллигентности, ее поворота вглубь, ее признание духовных, но не формальных авторитетов. К этой традиции примыкает и мое понимание интеллигенции как творческого меньшинства, в котором происходит возрождение и обновление ценностей, подорванных стремительными переменами. Таково, по крайней мере, ядро интеллигенции. Но как назвать растущую массу профессионалов умственного труда? В эссе, которое я написал в 60-е гг., («Человек ниоткуда») я ввел различия интеллигентной интеллигенции и неинтеллигентной интеллигенции. Можно воспользоваться идеей Солженицына и говорить о подлинной интеллигенции и образованщине или о русской и советской интеллигенции. Такое деление, хотя и научно не строгое, тоже существует. В Швейцарии я встретился с одной очень милой, к сожалению уже умершей женщиной, еще из первой эмиграции, которая на глазок делила приезжих из России на русских и советских - не по этническому принципу. Я попал на русские. Она на глазок определяла наличие чего-то такого, связанного с русской интеллигенцией в старом смысле и массовым производством из образованцев нового времени. Но между этими двумя словами довольно отчетливая граница между старой русской интеллигенцией и новым массовым производством. Другое чувство чести. Однако, есть еще вечное различие между людьми типа Кьеркегора и людьми типа Аристотеля, которое можно определить словами «интеллигент» - «интеллектуал». Эта граница часто нарушается. ... был образцовым ученым, и вдруг весь повернулся к таким «проклятым» вопросам. Ученые Сахаров, Орлов,

Ковалев вдруг откальваются от советских норм поведения, бросают наук, становятся диссидентами. Бывали и противоположные переходы. Диссиденты, оказавшись в эмиграции, возвращались к своим профессиональным интересам, к какой-нибудь кибернетике, как Турчин, и остывают к проблемам, перевернувшим их жизнь на родине. Иногда уровень проблематичности сталкивается еще с чем-то другим. В молодости Достоевского глубины дремали, сердце было захвачено страданиями униженных и оскорбленных, и вдруг на каторге раскрылись такие бездны, которые не закрываются на социальном и на политическом уровне. Страх перед бездной толкает прочь от призывов к социальному перевороту. Потом ту же переоценку проделали веховцы - спокойнее, без крайностей, с меньшими издержками полемики. Они все прошли через социал-демократию, в ссылках побывали, а потом их захватили другие проблемы. Но они обошлись без крайностей, которых не избежал Достоевский. Без крайностей обошелся, приведу индийский пример, Ауробиндо. Он был сперва яростным борцом за национальное освобождение Индии, а потому повернулся к йоге и стал заниматься духовным и проблемами. Хотя он не отказывался от своей мечты о независимой Индии, но это отступил для него на второй план сравнительно с проблемой освобождения духа. Такие повороты редки. Даже глубокие сомнения в смысле действия достаточно редки. Гораздо типичнее Чернышевский, чем Герцен. И Гамлет не был типичным принцем 17-го века. И князь типичным князем 19-го века. Широкий круг интеллигенций сочувствовал Льву Толстому, видя в нем свою воплощенную совесть. А Достоевский захватил только зачинателей русской философии - это было довольно после. Мода на Достоевского и «Вехи» пришла при мне, и сразу все огрубело. Мода подхватывает внешнее, прямолинейное, сказавшееся на уровнях слов, не сомнения, спрятанные в недомолвках и черновиках, а открытые категорические высказывания. Мода создает культ пророка, действительного или мнимого. Когда я увидел, что солженицынский ум поработан страстями, что страсти закрывают ему путь в глубину, им же открытый и объявленный, на меня многие рассердились. Захватывало именно то, что меня отталкивало, «пена на губах ангела», как я впоследствии это назвал.

О судьбе советской и постсоветской интеллигенции

...когда надзор попросту уходит свыше, не остается даже той пайки, которую давал гражданин начальник, все захватывают блатные, и многие зэки начинают думать: «как хорошо было при гражданине начальнике», свобода тускнеет, разгорается солнце справедливости, солидарности, права каждого, самого неловкого, неспособного на кусок хлеба...

...интеллигентность не разрешает союза с дьяволом, она требует верности свободе, даже перекошенной и проваливающейся на каждом шагу. Требуется поиска равновесия свободы и справедливости. Свобода слова - воздух интеллигентности, она не отделима от верности истине. Верность своему призванию ученого, учителя, врача, режиссера... А если нет политической свободы, свободы оппозиции, свобода слова под угрозой, ядро интеллигенции не может быть партийным...

Становление интеллигенции невозможно без поисков лично ему нужных, лично для него приготовленных, для каждого ... приготовленных для него историй, но требующих того, чтобы искать колодцы в глубину. Счастье, когда встречается сегодняшний колодец, только что выкопанный, и даже продолжающий углубляться на глазах, но, так или иначе ему приходится искать, и дело каждого - найти свой собственный колодец. Найти в реальной истории, в жизни, или в литературе. Сегодня волны перемен возмутили у многих внутренне зеркало и те, кто не умеет стихнуть, потеряли этот свой образ, который они постепенно накапливали. Взрыв желанной интеллигенции отбросил ее в сторону. На авансцену вышли новые деятели с киллерами вместо ЧК, с открытым цинизмом вместо

идеологии, требовавшие жертв и создававшие аскетов террора. Многие опять соблазнились. Философия соблазнила дух, и опять вышла из моды. Попутчики творческого меньшинства слиняли. Они казались самим себе интеллигентными, когда достаточно было шептать «король гол». Восстанавливать истинные ценности, сломленные в революционной горячке, очищать поруганное они не умели. Это не кризис зерна интеллигенции, просто ветер отсеял ... и стало ясно, что зерна немного. Его и раньше было немного. Что касается зерна интеллигенции, то оно никогда не ограничивалось только критикой. Повторяю, задача интеллигенции - это восстановление ценностей, расшатанных и разрушенных в процессе стремительных перемен. Интеллигенция не может исчезнуть. Интеллигенции нет только в примитивных и архаических обществах, потому что там нет кризиса, потому что там господствуют твердые предписанные ценности. *А когда все ломается, когда общественное здание постоянно в трещинах, постоянно в переделке, возникает слой людей, пытающийся связать подлинную связь времен, связать растущую дробность, как выразился Экзюпери, «божественным узлом».* Если им ничего не удастся, если постоянное неустройство делается невыносимым, снова и снова всплывает соблазн прыжка в утопию, сколоченную террором. *Современное общество все время надо спасать и в воздухе висит соблазн окончательного решения, единой истинной идеи, оправдывающей любые средства. На Западе это можно не заметить.* Запад успешно борется с симптомами кризиса, и лечит их паллиативами, по методу проб и ошибок. Но над нами дамоклов меч постоянно и ощутимо висит в воздухе, и нужно постоянное усилие, чтобы не дать одной идее овладеть обществом и стать безумием, *idea fix*. Такой идеей фикс может стать и свобода - бог либералов - противников утопии. Уставшие о рабства, мы готовы были воскликнуть вместе с героем Лопе де Фигейредо, в пьесе «Лисицы и Виноград», которое я смотрел - вы, наверное, его и не видели: «где та пропасть, в которую бросают свободных людей»? Там Эзопа обвиняют в кощунстве. Если считать, что он раб, то его только побьют, но если считать, что он свободный человек, то его бросят в пропасть. То, что ему дали вольную, было неизвестно. И Эзоп восклицает: «Где та пропасть, в которую бросают свободных людей!?» Но когда надзор попросту уходит свыше, не остается даже той пайки, которую давал гражданин начальник, все захватывают блатные, и многие ээки начинают думать: «как хорошо было при гражданине начальнике», свобода тускнеет, разгорается солнце справедливости, солидарности, права каждого, самого неловкого, неспособного на кусок хлеба. ... Я вот сейчас вот сидел, просматривал журнал, где опубликовано было старое, десятилетней давности интервью Михника с Гавелом, где они обсуждают вот эту самую проблему, что в период неустройства большое число людей, привыкшее к тоталитаризму, чувствует себя растерянными и обездоленными и тянутся назад, даже в таких благополучных сравнительно странах, как Чехия и так далее. И там это было сравнительно быстро сейчас изжито, потому что быстро наладился новый порядок. Но у нас эта привычка складывалась 70 лет, и она стала второй натурой. Свобода - простор для сильного, способного воспользоваться свободой. Меня свобода не тяготит, потому что я сохранил ясность головы, и я могу говорить и писать такое, что и сейчас можно... Но если бы я - в мои годы это вполне возможно - был способен только на то, чтобы получать каждый месяц пенсию, то что бы мне дала свобода? Ничего, она мне не дала, дала только то, что пенсия стала в реальной ценности меньше... Так что если свобода не уравновешена законностью, справедливостью, защитой слабого, проигравшего в свободной игре, свобода сильных становится бичом слабых, и слабые всей своей массой поддерживают Левиафана, пожирающего свободу. Я вспоминаю образ Гоббса, представившего государство чудовищем-Левиафаном, которое поддерживает порядок тем, что оно давит все. И вот когда я читал у Гайдара, что каждый человек, который может за свой счет поехать на Кипр, будет за них голосовать, я думал: «Ну и дурак! Ну кто же за тебя будет голосовать! Сколько людей у нас может поехать на Кипр?» Я был готов к свободе, я не дожидался пока мне ее дадут, я издавался в Самиздате, в Тамиздате - у меня три книжки

были напечатаны на Западе еще при старом режиме. И в пространстве свободы я не только почувствовал свою силу, я понял опасность этой силы. Еще в 70-е годы я написал, что «дьявол начинается с пены на губах ангела». То есть, когда человек охвачен полемикой, его охватывают, я бы сказал, бесы полемики. И хочется не просто доказать свою правоту, а сделать больно своему оппоненту. Я додумался до этого сперва в первом круге полемики с Солженицыным, а потом внимательно читал письма Достоевского, и нашел там фразу: «Я хотел ударить западников окончательной плетью». *Окончательно ничего нельзя искоренить.* Общество полно противоречий, и всякая идея в какой-то степени может находить почву. Можно только ограничивать идеи, которые в данный момент становятся ложными. А если вас охватывает идея что-то выкорчевать до конца, если вас охватывает то, что я назвал пена на губах» тогда я сочинил такую фразу - около 80-го года - она сейчас иногда цитируется, в какой-то степени вошло в поговорку: *«Наивность представляет добро и зло, как два войска с развернутыми знаменами идут друг на друга. На самом деле добро не воюет и не побеждает - оно светит на всех и охотнее держится на стороне побежденных, а то, что воюет, всегда причастно злу. И чем более яростно оно сражается, тем больше погрязает во зле».* И дальше вот эта центральная фраза: *«Дьявол начинается с пены на губах ангела, вступившего в бой за святое и правое дело и так до гиенны огненной идо Колымы. Все рассыпается в прах - и люди, и системы. Но вечен бог ненависти в борьбе за правое дело, именно благодаря этому зло не имеет конца».* Приблизительно, так было сформулировано, и я считаю это чрезвычайно важным тезисом, который надо было знать, вступая в полемику. Еще в 70-е годы я написал об этом, и поэтому стиль полемики важнее предмета полемики - это тоже в 70-е годы написал, и это было принято как чудачество. Даже мои друзья это не поняли. Они это поняли сейчас, в последние годы, когда потоки грязи наполнили наши средства массовой информации. Ну вот, дальше произошло то, что рухнула система, которая всех подавляла и захватила территорию тех, которые не были подавлены. А кто не был подавлен? Не были подавлены теневики - они приспособились, они подкупали власти и как-то делали свое дело, не были полностью подавлены преступники... И именно эта коалиция теневиков и преступников оказалась единственной силой, которая созрела в недрах советского общества, которая захватила инициативу, когда все остальные были подавлены, когда инициативы была у них отбита. Помните, инициатива наказуема... Или вы уже эту поговорку не знаете? В этих условиях единственный слой, сохранивший инициативу, теневики и бандиты, они и стали лидировать. И их нравы захватили все общество, сбитое с толку, не способное внутренне сопротивляться. И победила сложившаяся спайка теневиков со слугами закона, которым государство плохо платило, как всегда в России плохо платило. Эта спайка оказалась тем самым новым обществом, которое созрела в чреве старого. Демократия, неопытная и неумелая, на каждом шагу оборачивалась клептократией. Совок к этому не был готов. Он принял бы немецкие порядки, если бы какие-нибудь немцы их ввели и даже научился бы не переходить улицу на красный свет. Но заводить новые порядки, сплотиться в партии борющихся за честный демократический порядок, он не сумел. У него всю жизнь отбивали инициативу, и отбили. Он оказался беспомощен перед властью воров и бандитов. И голосует либо за коммунистов, либо за чекистов.

Туманное понятие интеллигента происходит от сочувствия к слабым, несчастным. «К голодному Бог приходит в форме хлеба, - сказал Ганди, - а когда кусок хлеба вырывают изо рта, приходит дьявол». *Но интеллигентность не разрешает союза с дьяволом, она требует верности свободе, даже перекошенной и проваливающейся на каждом шагу. Требуется поиска равновесия свободы и справедливости. Свобода слова - воздух интеллигентности, она не отделима от верности истине.* Верность своему призванию ученого, учителя, врача, режиссера... А если нет политической свободы, свободы оппозиции, когда свобода слова под угрозой, ядро интеллигенции не может быть партийным. Но я и не сторонник и безучастности в политике. Я понимаю позицию

итальянского мыслителя Бодлео, вступавшего в диалог с либералами, социалистами, даже с коммунистами... Итальянские коммунисты довольно сильно отличаются от наших - с ними можно вести диалог, - оставаясь сам по себе независим от политических пристрастий. Я думаю, что такая независимость возможна. И в нее входит также свобода от отрицательной зависимости, от ненависти к миллионам, нажитым в финансовых играх... Но это писалось, когда была борьба вокруг НТВ, поэтому я об этом здесь пишу... Свобода от избыточного презрения к грязно нажитым деньгам. Когда Гусинский ссорился с Березовским, мне было противно, и я повторял тогда эпиграмму:

Березовский заказал Гусинского,
а Гусинский - Березовского.
Не понятно, начинать с кого,
а, покончив - получать с кого.

Но когда государство всеми своими органами обрушилось на оппозиционного олигарха, то я на стороне был оппозиции. Потому что государство без оппозиции способно на преступления гораздо большие, чем преступления олигархов. Сегодня при господстве электронных средств массовой информации, очень дорогих, свобода слова совершенно реальна только для человека, сумевшего нажать миллиард. Достоевский в свое время называл миллион - он говорил, что свобода реальна, если иметь миллион - но а сейчас надо иметь миллиард. Это свобода Гусинского. Если бы у него не было прихоти завести НТВ, никакой свободы в русском эфире вообще бы не было - все съел бы Левиафан. Свобода слова сегодня практически неотделима от свободы олигарха. И надо помнить, что свобода в Англии началась с гарантии прав лордов. А в России это не получилось, потому что дворянская гвардия, позавидовав вельможам, вырвавшим у Анны Иоанновны что-то вроде шведской конституции. Позавидовала и подала царице грамоту с просьбой самодержавствовать по-старому. Равенство в бесправии показалось справедливее, чем права, которыми непременно воспользуются в первую очередь сильные, отесняя слабых. Что из этого вышло, хорошо известно - бироновщина. И у нас есть шанс к этому вернуться, хотя бы в виде ослабленного и гротескного повтора. Интеллигентность - это традиция внутренне свободного творческого меньшинства, ставшего жизненным стилем, поведением личности. Это прислушивание к сократовскому демону, к безымянному переживанию Кришнамурти, чувству встречи, о котором говорил владыка Антоний. ***Интеллигентность - это внутренняя готовность к внешней свободе и готовность защищать эту свободу от покушения извне, и от внутренних пороков, от превращения свободы во вседозволенность.*** Но дальнейшее развитие темы требует уже новых идей, которые мне сегодня уже не хочется развивать, поэтому на сегодня достаточно, поэтому давайте поговорим.

Беседа после лекции.

Шварц: Вы упомянули в Вашей лекции Шри Ауробиндо и Солженицына - по Вашему мнению, они являются интеллигентами? Потому что меня очень удивило, когда Вы назвали Шри Ауробиндо интеллигентом...

Померанц: Вы знаете, он был вначале таким типичным индийским интеллигентом, революционным интеллигентом, а потом он столкнулся с традиционными йогами, они ему что-то объяснили, он попробовал, и оказалось, что он поразительно способен к этому методу. Если бы я сел, у меня бы ничего не получилось, вот он сел, и через 36 часов он сразу пришел к какому-то такому результату, к которому люди стремились годами, и, естественно, это стало для него главной задачей. После этого его определять, в сущности, никак нельзя. Это личность настолько уже вышедшая из категорий, что это просто Ауробиндо. Так же как нельзя определять, что такое Кришнамурти. Любопытно, что

центральное понятие для Кришнамурти - это безымянное переживание. Он понимает, что то чувство бытия, которое он, как правило, хранит в себе, он постоянно в нем существует, не поддается удовлетворительной вербализации, выражению в словах, поэтому его и самого нельзя определить - что он такое - мыслитель, религиозный лидер, мессия - он же отказывается. Его же объявили мессией - он отказался от этого, считал, что это нелепость. Замечательно - европейцы обычно этого не знают - что буддисты обычно называют Гаутаму не Буддой - хотя называют и Буддой - а Татхагата. Ататхагат примерно значит - тот, кого нельзя описать никакими словами, можно только сказать «вот тот». Термин этот подготовлен Упанишадами. В одной из древнейших Упанишад - в Чаандогьи - подступ к центральному понятию индийской религиозной философии ...дается в мантре «тат тва маси» - то есть, и то, ты еси то... То есть, определить это невозможно, но ты должен найти в глубине своего собственного существа. То - это «тат», от этого тат было образовано понятие татхата- что можно перевести тость, или такость, или этость... И от этого Татхагата - этостный, такостный. В русском языке есть слово, чисто ироническое - таковский. Мы таковские. Что-то в этом роде, но не в ироническом смысле... Когда мы касаемся людей, дошедших до этого уровня, они уже ни в какие категории не укладываются. Но, по-моему, в понятие «интеллигенция» входит внимание и интерес к поискам, во всяком случае, приближение к той глубине, которой достигают такие люди. Будет ли это в форме традиционных религий или нетрадиционных - это уже вопрос оттенка...

Шварц: А вот по поводу Солженицына...

Померанц: С моей точки зрения, это интеллигент почвеннического направления, в истории русской общественной мысли это началось аж где-то с середины 30-х годов 19 века, как направление, как ответ на вызов письма Чаадаева. Вот вызов письма Чаадаева вызвал стремление доказать, что в России было нечто такое, что выдерживает сравнение с Западом. И дальше это выступало в различных формах, иногда очень интересных. В конце уже Петербургского периода, уже в начале 20-го века, было неославянофильство, допустим, Трубецкого, и неозападничество Степуна, которые вели между собой вполне корректный разговор. Уже они перестали считать, что можно уничтожить противника, а поняли, что это разные оттенки единой общественной мысли. Трубецкой, между прочим, один из тех, кто впервые открыл, можно сказать, икону. «Умозрение в красках». Два классических труда, которые остались нам об иконе: «Умозрение в красках» Трубецкого и «Иконостас» Флоренского. «Умозрение в красках» - тоже очень хорошее произведение. Я должен признать, что меня возрождение почвенничества удивило. Мне казалось, что это дело прошлого, что это сейчас странно как-то, но потом я понял, что... как вам сказать... просто мы жили здесь в изоляции, не достаточно понимали кризис мировой культуры, немножко находились под впечатлением того, что это у нас буржуазия разлагается. А раз у нас говорят, что разлагается, значит, они дураки, просто демагоги. А на самом деле, кризис культуры очень глубок. Один из откликов, один из ответов на этот кризис является поиски каких-то забытых корешков в прошлом. В общем, в моей концепции истории, о которой я, может быть, буду когда-нибудь рассказывать, я исхожу из того, что живучие культуры развиваются зигзагообразно, что они время от времени как бы к чему-то возвращаются. То есть, как бы две основные позиции - стремление к расширению культуры - античность, Ренессанс - и стремление восстановить систему ценностей со священным на вершине. Это эпохи критики и покаяния за все наделанное в предшествующий период и эпохи обновления религиозной веры и создания каких-то единых святынь для большой массы людей, связанных внешне. В древности связаны были империями, но не хватало духовной общности. Эту общность создали мировые религии. Для каждой имперской зоны - другая религия, другая культура, а сейчас возникла, грубо говоря, физическая, зримая общность, глобальная. Нет глобального, единого духа... Я был на «круглом столе» в Горбачев-фонде, и там была поставлена проблема Кюнга - возможен ли глобальный этос. И я был один, который доказывал, что возможен. С моей точки

зрения, мировые религии небезнадёжно противостоят друг другу. То, что этика связана с религией, я признавал - не грубо, но как-то связана - чувство высшей ценности, священной, важно для того, чтобы была вся эта вертикаль, куда входят и нравственные ценности. Чисто формально, нужна вершина, краеугольный камень... И большинство считало, что, так как религии не совместимы друг с другом, то не может быть и глобальной этики. Но как же договариваться друг с другом, если невозможно. Многие люди считают, что через чувство самосохранения должно человечество преодолеть все барьеры. Я что-то, глядя на современность в этом не уверен. Я думаю, что нужно еще что-то: к сожалению, люди достаточно часто безрассудны.

Шварц: С моей точки зрения - я не так уж хорошо знакома с мировыми религиями - мне кажется, что они не так уж сильно противостоят... Мне кажется, что если не договорятся, то я не знаю, что ждет нас...

Померанц: Если вы возьмете последний номер журнала «Педология» - мне его почему-то присылают - там статья министра просвещения Ягодина - он там описывает экологические проблемы и другие... И он говорит, что если мы не сумеем ограничить себя демократическим путем, то возможна только какая-то фашистская или иного типа диктатура, которая заставит нас себя ограничить, и не только нас, но и американцев, которые к этому склонны... Которые потребляют столько, что они за несколько десятилетий истребят всю землю. Или человечество погибнет. Он все-таки надеется, что какой-то выход будет найден. Но я-то убежден, что чисто разумными доводами здесь нельзя обойтись. Должен быть какой-то очень мощный толчок, чтобы человечество вышло из этого кризиса.

Шварц: Просто вопрос, как мне кажется, заключается еще в том, а нужно ли тогда это выживание, если не будет прорыва во что-то иное, если это выживание будет обеспечено фашистскими методами, то, может быть, оно вообще тогда не нужно... Лучше человечество пусть погибнет, чем выживет таким путем.

Померанц: Вообще я тоже думаю, что если бы можно было бы себе представить, что действительно будет единая такая мировая тирания - эту возможность рассматривал, в частности, Даниил Андреев, если Вы брали в руки его «Розу мира»... то это была бы духовная смерть...

Шварц: Может быть, это более страшная вещь...

Померанц: Да. Но... тут не может быть уверенности, но может быть надежда, опирающаяся на те дремлющие возможности, которые заложены в великих религиях. Ведь в древности тоже был очень глубокий нравственный кризис, который кончился, например, в Средиземноморье, полным крушением Западной Римской Империи. Но Византия уцелела... с новой религией. И на Западе сохранилась среди варваров Церковь, которая им как-то передала опыт прошлого и история все-таки продолжалась. Тут абсолютно невозможно себе представить, как развернется будущее. Я могу только сказать о своем проекте. У каждого человека может быть свой проект. Мой проект совпадает приблизительно с той программой, которую выдвигает сейчас далай-лама четырнадцатый. Вот в продолжение той главы «Горе от ума» я излагаю подробно его выступление в Осло, которое мой друг записал и перевел на русский язык... Далай-лама давно уже научился по-английски говорить, хотя с акцентом, но говорит сносно... Я прочитал очень интересную вещь: совместная конференция далай-ламы с бенедиктинским монахом, где они обсуждали возможность диалога между религиями... В общем, программа такая, что различия между религиями существенны, они не должны ни в какой степени стираться, они соответствуют различиям культур и индивидуальным различиям людей. Но в основе всего - тут можно вспомнить краткую формулу, которую я слышал от него в Швейцарии: его спросили в чем сущность ламаизма, и он ответил: «Главное - любовь сердца, а метафизические теории - буддийские, христианские - дело второстепенное». Это не значит, что они не имеют никакого смысла, но главное, все эти учения имеют смысл расковать в человеке возможности любви, охватывающие всю Землю. *И без того, чтобы*

религии перестали грызться друг с другом, и обвинять друг друга во всех смертных грехах без того, чтобы они не нашли способ сотрудничества, без объединения творческих элит не в смысле единства словесного, а в смысле содружества в решении практической задачи, понимания и сочувствия друг другу мы будем иметь дело с нарастанием кризиса, а не с выходом из кризиса. Возьмите, такой простой пример: мне в школе говорили, что на земле живет 2 миллиарда людей. Я где-то прочитал у Толстого цифру 1,5 миллиарда человек было в начале 20-го века. В 20-е - 30-е годы - 2 миллиарда, а сейчас 6 миллиардов 200 миллионов. Теперь подумайте, сколько из этих людей воспитаны так, чтобы быть полноценными людьми? Не в смысле знания техники, а в смысле некоей нравственной, духовной завершенности... Я вам скажу, что примитивные культуры здесь совершеннее развиты. Потому что в примитивной культуре, там запас, так сказать, информации не велик, он таков, что может вместиться в одну человеческую голову, потому что нет писания. Поэтому в такой культуре, как правило, есть некая ценность и есть некая духовная нравственная окраска этого целого. Что касается образцов поведения, то не нужны заповеди, потому что есть папа и мама, которые следуют тому, чему их научили. Есть обряд инициации - вы знаете об этом. Дети знают, что их ждет очень суровый обряд инициации, они к этому готовятся, лет в 12 они это проходят, со всякими мучительными испытаниям и тут им в торжественной обстановке даются основы племенной нравственности, племенной мифологии, и они это как-то прочно усваивают на всю жизнь. Так что каждый, простите, чукча, до того, как они спились, был вполне культурным чукчей, он был вполне воспитан для своей чукотской жизни. И они могли бы существовать 10 и 20 тыс. лет. По мере того, как общество становится сложнее, все больше становится людей, до которых воспитание не доходит. Если сейчас за один век народилось столько народу, то можно представить себе, что из них подавляющее число - это варвары, не в смысле классическом - варвары - это не греки - а в таком грубом смысле. Варвары, может, были не хуже греков... И вот эти внутренние варвары способны разрушить цивилизацию. Такое явление как фашизм очень сложное, но один из истоков - возникновение массы варваров внутри цивилизованного государства, даже такого хорошо грамотного как Германия. И, в общем, фашизм возник не в отсталых странах, а в достаточно развитых, оказавшихся в состоянии глубокого кризиса...

Шварц: Вот Андреев, я прошу прощения, писал об опасностях, связанных когда-то в прошлом с Инкской цивилизацией, тоже чрезвычайно высокоразвитой. Что-то наподобие могло там возникнуть...

Померанц: Знаете, пока что возникает так: наше общество слишком сложно - не в смысле русское, а мировое - это какая-то невероятно запутанная система различных финансовых и прочих отношений, которые даже по мнению отнюдь не идеолога, а практического дельца Сороса, грозит катастрофой на каждом шагу. Он достаточный знаток этого дела, умеет из этого извлекать миллиарды, но вот высказывался неоднократно, что эта система чревата кризисами и катастрофами. Так вот, так что экологический кризис не единственный. Это бесконечно сложная система, которая постоянно разветвляется на ряд кризисов. У нас не только экологический, у нас есть этический кризис. Скажем, потеря чувства смысла жизни вызывает культ удовольствия. Культ удовольствия сперва выразился в напряженной такой, гипертрофированной сексуальности, а сейчас переходит в наркоманию, потому что наркомания дает это удовольствие еще проще. Как об этом пишет Александр Мелихов, наша культура - мировая культура - имеет мастурбационный характер, она приобретает характер - получить как можно быстрее удовольствие. И это приводит к разрушению. Так что вот это нарастание кризиса вызывает в разных формах, но вот впервые после Первой Мировой войны... Представьте себе - 19 век, мирное развитие, идея прогресса и прочее и прочее, и вдруг все самые передовые нации сцепились, друг друга травят отравляющими газами - это же была катастрофа! Это мы сейчас считаем - ну да, воюют люди, но... А после 19-го века это была катастрофа. И возникает в странах, особенно остро переживающих кризис, соблазн как-то упростить эту слишком сложную цивилизацию,

навести простой порядок. И сколько бы не доказывать, что это нелепость, каждый следующий кризис вызывает опять идею, что можно навести порядок, только учесть ошибки первой волны редуccionистов. Я называю их редуccionистами: редукция - это упрощение. Первая такая волна упрощителей - Ленин, Муссолини, Гитлер... Сейчас вообще самая мощная волна редуccionизма в мусульманском мире. Вот раньше пытались упростить без Бога, а вот мы - на основе Корана. Это вот более сильная позиция. У них только материальных средств маловато. ... Но они рассчитывают на свою высокую рождаемость, на то, что они изнутри, через эмиграцию могут завоевать Западную цивилизацию, обратить ее в ислам. Уже сейчас во Франции огромное количество мусульман. Они рожают по 5 - по 6 человек, француженки одного родят - хватит. У нас в стране какие-то слабые-слабые зачатки этой проблемы - на Западе она гораздо ощутимее. Так что со всех сторон горит и без объединения всех духовно одаренных людей на дело воспитания народившихся людей, чтобы из этих варваров создать цивилизованных людей... Эти варвары при любом кризисе могут смести цивилизацию, и их уговорить на какие-то здравые решения очень трудно, скорее всего, они будут тяготеть именно к такой всемирной тирании. Это все очень серьезная опасность. Это не получилось в 20-м веке благодаря англо-саксам. Для тоталитаризма нужна захваченность идеями. Я вот Путина не боюсь, потому что у него никакой интересной идеи нет. И партии нет никакой. Из всякой сволочи, извиняюсь, собрали, так сказать, партию наскоро - это не та партия, которая может стать основой тоталитаризма. А любой тоталитаризм основан на какой-то идее, которая заразила людей, которая вызывает их энтузиазм, когда они готовы погибать за эту идею. Правда ведь?

Шварц: Но ведь на самом деле интеллигенции это как раз свойственно - такая захваченность идеями, переделкой мира...

Померанц: Вот интеллигенция разная. Есть интеллигенция, которая охвачена идеей переделки мира, и, начиная с «Вех», появляется интеллигенция, которая предупреждает об этой опасности, и стремится к другому, стремится удержать безумных упрощителей. И... вот, повторяю - конечно, сила их слабая - *и, слава Богу, что в 20-м веке оказалась группа стран бездейных. То, что мы называем гнилым эмпиризмом, прагматизмом, то есть нечувствительностью к красивым идеям англичан и американцев оказалась барьером на пути к осуществлению оруэлловской фантазии.* Осуществилась Евразия - в других ... он, конечно, фантастически нарисовал, Восточная Азия - это все, так сказать, по Оруэллу получилось. Океания - не получилась, и пока что наметилась возможность неимперского пути развития. Но для этого нужно, чтобы на Западе были деятели, которые понимают глубоко то, что происходит. А этого нет. Я сужу по оценке самих западных людей, с которыми я встречался в Швейцарии, разговаривал. Они говорят, что правительства только делают вид, что они понимают, куда движутся... И, скажем, бомбежка Сербии была такой демонстрацией, что мы видим опасность и можем с ней бороться. А на самом деле - выбрали место под фонарем, где легче искать кошелек и под фонарем что-то там нашли. А сейчас сами понимают, что ничего не добились, что все это было зря, что они создали ненависть в другом месте и так далее. *Так что очень многое зависит от творческого меньшинства, сумеет ли оно достичь какой-то солидарности и втянуть в эту солидарность достаточно влиятельные круги. Пока что это очень узкое меньшинство, которое меня вдохновляет своим примером, но оно очень невелико...*

Шварц: Ну вот интеллигенция действительно такая специфически российская общность... А вот все-таки в других странах, в других культурах, в той же английской культуре, можно ли говорить о существовании интеллигенции в прошлом и сейчас?...

Померанц: Интеллигенции в русском смысле там не было, по-моему...

Шварц: Потому что в принципе вот эти альтруистические идеи, боль за мир, они были у того же Шелли и Диккенса. Можно ли их назвать интеллигентами?

Померанц: Понимаете, не было слоя такого. Я думаю, что отдельные люди всюду были. Ну а если на то пошло, то Гамлет может быть охарактеризован как первый интеллигент.

Отдельные люди всегда были, но вот целый слой, чувствующий себя неуютно в жизни, чувствующий, что жизнь как-то надо переделывать, это вообще сперва возникло у нас. Это особенность России, именно потому, что у нас страна не западная, а вестернизированная, то есть которой привили чужую культуру, и она плохо к ней прививалась, и постоянно создавала чувство - но это в следующий раз - но в России вот возник такой слой. Но впоследствии западные социологи признали, что, начиная с экзистенциалистов, можно говорить о какой-то группе, напоминающей... Но на Западе сейчас возникло новое явление... Это чувство тревоги, которое было сразу после Второй Мировой войны, оно заглохло. Наступила эпоха благоденствия, и такое разлилось широкое благодущие, что, в общем, какой там кризис! Кризис есть у тех, кто жить не умеет. Вот если бы они научились, все бы было... - вот мнение такого среднего западного человека. А если бы все научились жить так, как они, мы бы прогорели за несколько десятков лет. Но об этом не хочется думать. И постмодернистская культура - это, по-моему, культура тупиковая...

Шварц: Просто говоря о постмодернизме - ведь в постмодернизме очень популярна буддийская идея, но как-то она совсем, по-моему, не правильно понимается. Буддизм видится как стремление к пустоте, к освобождению от иллюзий, и стремление к нирване, к пустоте, воспринимается именно как пустота, как ничто. А идея о том, что вообще в принципе в основе всякой религии любовь, по-моему... у меня такое ощущение от довольно поверхностного знакомства с постмодернистской культурой - отсутствует. Я не знаю, верно ли оно...

Померанц: Я думаю, вы правы. *Постмодернизм основан на утрате веры в какие бы то ни было святыни*, я бы сказал, его предсказал Гессе в своей «Игре в бисер». Все святыни прошлого стали, так сказать, игральными картами, которыми играют в пасьянс. И жизнь рассматривается как просто игра с этими картами. А на самом деле все лежит на одной плоскости, то есть рухнула вертикаль. Мне рассказывал мой приятель, у которого друг голландец - во-первых, любопытно, что этот голландец приезжает к нему в Харьков время от времени общаться. Он говорит, у него на родине люди встречаются, говорят о политике, о бытовых вещах, а так поговорить по душам можно только в России. Так вот, по словам этого голландца, из всех богословов Голландии только один верует в Бога как принято в свое время было в христианстве, остальные в Бога не веруют. Христос - для них символ прекрасного человека, который и так далее. Антоний Сурожский в одной из своих книжек 99-го года «О слышании и делании» рассказывает о своих встречах с иерархами даже соседних вероисповеданий. В одной из его общин, как-то связанных с ним, в Голландии, кстати - приходит католический епископ молиться. Его спросили почему. Он ответил: хочется побывать среди людей, которые в Бога веруют, потому что половина моих епископов в Бога не веруют. Там целое богословие развилось на ницшевской фразе, что Бог умер. Другое дело, что слово «Бог» не поддается определению, что смысл оно приобретает у человека, у которого было то, что Антоний Блум назвал встречей. Это редкий случай, когда человек сам пережил какую-то реальность, то, что называют мистическим опытом: переживание, что существует какая-то реальность, которая входит в наше сердце и которая не укладывается в какие-то слова. Она лежит в основе всех религий и тот, кто это испытал, находят, что в любом писании какая-то условная передача того, что Кришнамурти называл безмянным переживанием, из которого рождается дух очень широкой любви, распространенной на всех людей. Но старый язык устарел. Об этом надо научиться говорить современным языком, который не противоречит современному... уму, что ли... То, что я Вам дал - это попытка рассказать, как к этому подходит в православии Антоний Блум. Хотя он один из крупных наших..., Патриархия его терпеть не может. Вот в католицизме - многие, кстати - Томас Мертон покойный. Всюду есть такие люди... Что же касается буддизма, то конечно, подлинный буддизм - это мистическая религия, она ставит себе целью то, что Кришнамурти назвал безмянным переживанием, что, допустим, дзен-буддист называет сатори. Пустота - это понятие, за которым стоит

опустошенность от всего суетного, состояние чистого зеркала, которое отражает некий незримый свет. Это зеркало должно быть пустым, чтобы отразить в себе предметы. Но это не означает пустоту отсутствия ценностей. Дзен-буддизм обладает вполне твердым пониманием того, что в жизни ценное, что не ценное...

Шварц: В таком случае, опасен ли постмодернизм как культура, отрицающая существование ценностей реальное?...

Померанц: Опасен, потому что это культура чувства дрейфа. Запад находится в состоянии дрейфа, когда не чувствуется исторического направления. Его недаром сравнивают с Александрийским периодом древности. Чтобы выйти из дрейфа, нужно почувствовать направление. У некоторых людей на Западе это чувство есть, но для того чтобы оно утвердилось, надо преодолеть чувство дрейфа. В древности это вот александрийское чувство, похожее на постмодернизм, было преодолено новыми религиями, пришедшими с Востока, которые конкурировали друг с другом, и, в конце концов, победило христианство. Сейчас то расхожее понимание псевдобуддизма - это, ну просто, чувство утраты веры во что-то более глубокое, чем позитивный опыт, одетое в буддийские одежды. А можно одеть в одежды философии Ницше, в христианские термины. Сейчас есть теология мертвого Бога. Там разные есть способы выражать это чувство душевной пустоты.

Шварц: А тогда последний вопрос - у меня, по крайней мере - существует ли у нас в России сейчас интеллигенция и есть ли у нее какое-то будущее и какова ее возможная роль?

Померанц: Я лично не сомневаюсь, что она существует, но она не очень велика. Подлинные интеллигенты составляют некое меньшинство, но, судя по откликам, которые мы получаем с Зинаидой Александровной из разных городов, люди ищущие духовного возрождения, рассыпаны всюду. Они тычутся в современное, очень сниженное советским опытом, православие, находят там, как правило, равнодушных исполнителей культа, отшатываются, и, как один мой молодой знакомый мне рассказывал, он три года тому назад бросил, снял с себя крест и ушел, не удовлетворенный тем, что он встретил в Церкви. Или, во всяком случае, считают, что кроме Церкви... что там обряды, которые что-то им дают, но они ничего не дают, кроме этой обрядности... И некоторые приходят к нам, на наш семинаричек, но он крошечный приходит сотня человек. Число читателей увеличивается. Пока это микропроцессы, понимаете. Кризис нарастает быстро, а процессы становления нового духа слишком слабы еще. Поэтому положение очень серьезное, но надежда всегда остается, что при каких-то толчках... К сожалению, эти толчки могут влиять по-разному. Достаточно ли число людей, духовно изуродованных прошлым опытом, варваризированных, будет тянуться в сторону такой вот тоталитарной регламентации...

Шварц: Будут еще какие-то вопросы?

Девушка: Да, у меня есть вопрос. Я хотела бы знать Вашу точку зрения. Принимая во внимание особенности русского общества, какой идеальный политический строй Вы видите для России?

Померанц: Я не политолог и могу только высказаться в общих чертах, что для парламентской демократии - для парламентской, а не президентской - в России нет зайца, из которого можно сделать рагу. Вы знаете, что рагу - это жаркое из зайца. Зайца нет. Нет политических партий. Простите, но и «Яблоко» - это еще не партия. Это еще немножко на партию. «Союз правых сил»... Все это группы меньшинства, все это очень рыхло. Как выходила Германия, Италия после фашизма из кризиса. Ведущую роль сыграла христианско-демократическая партия, пользовавшаяся мощной поддержкой Церкви. Кроме того, оставались еще старые политики, которых не истребили еще ни в Германии, ни в Италии, которые примерно знали, как все это наладить. И в течение какого-то времени эти партии руководили восстановлением и руководили духовным процессом покаяния за то, что они разрешили в годы фашизма. Но фашизм - или нацизм - длился там

гораздо меньше нашего... У нас нет, так сказать, ни Аденауэра, ни Эххарта, не осталось людей старого, которые бы просто пережили и со своим опытом старым могли бы... И там очень быстро наладилась парламентская демократия. Ни в Италии, ни в Германии нет сильного президента - он не нужен. Есть нормальная система из функционирующих партий. И избирателю фактически приходится выбирать - больше вкладывать в социальные программы или сокращать и вкладывать в производство. И то туда, то сюда - как баранку крутят в автомобиле, а так - хорошо работающая система. У нас вообще избиратель совершенно не разбирается в программах и не верит никаким программам, понимая, что все это вранье. И, кстати, это и есть демагогия, потому что никто толком не понимает. Симпатичный человек или показавшийся симпатичным... Сколько культов мы уже пережили! Как в свое время обожали Ельцина: Ельцин! Ельцин! Не знаю, запомнили ли вы это... Вопли такие. А потом разочаровываются. Поскольку голосуют за человека, неизбежна президентская демократия. Ну и система. Без постепенного роста парламентской демократии обойтись нельзя. По-моему, очень важный камень преткновения - позиция Патриархии, которая, я повторяю, абсолютно не способна выработать христианско-демократическую программу, не говоря о том, что надо ...*В принципе, было бы хорошо такое вот собрание духовных сил на суперэкуменической основе, чтобы вошли в это и либеральные мусульманские круги и так далее с какой-то программой возрождения духовных ценностей, духовной иерархии, выхода из вседозволенности.* Пока что у нас преобладает такая вот ложная позиция, дихотомия: или вседозволенность или фундаментализм - что написано в Писании, то и твори. Но фундаментализмов несколько. Наиболее активен мусульманский фундаментализм, который не совпадает с христианским... Так что из этого трудно что-то... Вот ситуация. Идеально было бы президенту найти подходящую фигуру, который, в принципе, был бы демократом, но обладал бы талантом управления и постепенно давал бы шаг за шагом развивать парламентские формы борьбы по мере становления партии. Пока что основная проблема - у нас нет нормальной партии. Допустим, «Союз правых сил» - это партия, которая стоит за вкладывание в производство, а не за социальные программы. Допустим, «Яблоко» было бы за социальные программы, но пока что им приходится жаться вместе, потому что остальное - это вообще черт знает что. Так что очень трудное положение. Какую-то замену христианско-демократической партии в процессе выхода из старого ... я не знаю, как найти. Я допускаю, что может быть, может быть... надо вот попробовать такой силой могла бы стать школа. Школы рассыпаны по всей стране. Много хороших учителей, можно было бы создать движение учителей... но это, так сказать, проект, предположение, я, во всяком случае, не знаю, что из этого выйдет. А вы попробуйте, может, у вас что-то получится. Надо как-то заменить то, что пригодились Германии, Италии. У нас наша Патриархия этого никак не сможет...

Шаромов: А можно попытаться в условиях разных сложных кризисов найти выходы... Тогда надо же будет искать что-то похожее на интеллигенцию и в исламских странах.

Померанц: Конечно. А я вот был в Уфе на форуме интеллигенции, там опять-таки ряд течений, все есть, нет господства фундаменталистов... Вот почему в Чечне так получилось? Потому что в процессе национального движения надо было на что-то опереться. И у них ислам получил такую резко воинствующую форму. Рядом со мной сидели эти муфтии, они, по-моему, гораздо более мирно были настроены в Уфе... Вообще, кстати, мне многие говорили, и я кое-что читал, что татарский ислам гораздо более мягкий, чем воинственный кавказский ислам, потому что у татар ислам вынес годы, когда у них никакие мечети не строились... и он приобрел такой суфийский характер, наполненный поэзией... Так что ислам имеет много оттенков и надо в самом исламе находить союзников для демократического государства. Для многого нужен такт... Я с интересом ездил в Швейцарию на конференцию общества Морального Перевооружения - название дурацкое, не в этом дело. Но у них был опыт, скажем, в свое время, в процессе деколонизации... когда удалось найти общий язык между столкнувшимися группировками

в Марокко и добиться между ними согласия. Согласия может быть найдено, но боюсь, что мне надо кончать, потому что... Впрочем, если есть еще один вопрос, то пожалуйста.

Шаромов: Вы все время говорите о Патриархии, о Патриархии, стало быть, все-таки то, что православие внутри себя имеет, для Вас является возможной опорой в нашем российском возрождении...

Померанц: Я скажу так - никакой односторонней опоры на это нет, но исторически сложилось так, что исторически православие не отделимо от русской культуры. Это историческая форма религии, в ней есть свои глубины, в ней есть возможности современного существования. Это показал Антоний Сурожский в Англии. Он создал свою Сурожскую, как он назвал епархию, очень интересную. Он подробно об этом рассказывает в своей книге «О слышании и делании», изданную на русском языке в 99-м году. Есть об этом на английском языке брошюра, опубликованная в Англии «Опыт Сурожской епархии». Он создал, в сущности, совершенно новую, практически современную, живучую в современных условиях, форму православия. В основном это англичане, которые были увлечены его обаянием. Стоит почитать. Так что считать, что православие в принципе не допускает живой трактовки - это натяжка. Это значит, принять то, что существует, за незыблемый факт. Вот Антоний Блум показал возможность...

Правда, во-первых, он - эмигрант от рождения, так сказать. Это не человек, поставленный КГБ, человек независимый за рубежом и живший в демократической стране и сами англичане ему помогали. Но у нас, повторяю, плюс то, что его книги очень широко распространены, что у него большая очень популярность, а минус то, что иерархи его не выносят. Его терпят только потому, что он стар и так скоро умрет - он 14-го года рождения. Но, кроме православия, очень бурно растут другие течения, и христианские, и нехристианские. Я думаю, что религиозное возрождение, если будет так тупо Патриархия все держать на свой лад, может пройти мимо православия. Во всяком случае, *без какого-то религиозного отражения, во всяком случае, без того, чтобы найти живой религиозный язык для передачи того, что Кришнамурти называл безымянное переживание, переживание Любви, разлитой на весь мир, человечество не обойдется...* Но эта задача, которая не решается двумя днями... А ближе к практике школа, ближе к практике школа... Ну, на этом мы сегодня поставим точку...